

Политическая теория

УДК-32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПУБЛИЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРЕФЕРЕНЦИЙ

*О.Л. Грановская*¹

Задача данной статьи – исследовать процедуры формирования публичной рациональности, принятые в современной концепции агрегативной демократии. Основным методом является сравнительный анализ различных процедур агрегации предпочтений и выработки политического решения. Агрегативная демократия рассматривается в контексте модели делиберативной демократии. Делается вывод, что применяемые по отдельности данные способы выработки коллективного решения являются дефицитными процедурами. Однако их недостатки отчасти компенсируются одновременным использованием делиберации и голосования.

Ключевые слова: агрегативная демократия; политические предпочтения; теория воли народа; политическая делиберация; политическое участие; процедуры принятия решений.

Делиберация и агрегативная демократия

В центре теории делиберативной² демократии находится идея оправдания посредством обсуждения. Поскольку для обоснования нормы необходима настоящая дискуссия, только политический порядок, основанный на реальном публичном диалоге между гражданами, может выработать оправданные нормы³. Политическое решение должно быть основано на компетентном обсуждении спорных

¹ Грановская Ольга Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дальневосточного Федерального университета (Владивосток). E-mail: olg@vladivostok.com.

² «Делиберация в англо-американском употреблении этимологически основывается на латинском слове *deliberare* и означает взвешивать (в идейном смысле), размышлять или внимать совету. В английском языке слово делиберация понимается также как дискуссия или *consideration*, обсуждение» [2, 21].

³ С критикой данного тезиса можно ознакомиться в работе Томаса Христиано «Значимость публичной делиберации» [6].

проблем, то есть на дискуссии, которая ведется в соответствии с коммуникативными принципами согласованного дискурса. Только тогда ее содержание может считаться рационально мотивированным.

Нормы, которые не подтверждаются подобным образом, не могут быть обязательными для всех, а если эти нормы устанавливаются, то это не что иное, как простое порабощение и подчинение воле, то есть в идеале должна осуществляться настоящая политическая дискуссия, которая ведет к рациональному соглашению по поводу норм. Для подкрепления своей позиции Юрген Хабермас, один из основоположников теории политической делиберации, цитирует немецкого демократа Юлиуса Фройбеля:

«Мы стремимся к социальной республике, то есть, к государству, в котором счастье, свобода и достоинство каждой личности признаются как общая цель, а совершенство закона и власть общества происходят из взаимного понимания и согласия всех его членов» [10, 46].

Одной из дилемм делиберативной демократии является невозможность объяснить, как современные плюралистические сообщества могут достичь согласия по поводу всего свода законов, по которым они живут. Хабермас признает, что конвенция никогда не будет полной. В конце дискуссии всегда будет необходимо проголосовать, а это означает, что согласие так и не достигнуто.

По Хабермасу правила большинства соотносятся не с истиной, а с процессом поиска истины, а принятое большинством решение представляет собой только цезуру в неоконченном процессе приятия решения, промежуточный результат дискурсивного процесса формирования мнения. «Некоторые результаты дискуссий могут быть ошибочно приняты под институциональным прессом, но их рассмотрение продолжится».

Далее возникают следующие проблемы: *как голосование может служить индикатором оправданности?* Оправданность требует, чтобы обсуждение было действительно выполнено. Для того чтобы выйти из проблемы, давайте рассмотрим различия в двух взглядах, связывающих два корректных выхода из делиберации: назовем их контрфактуальный и актуальный делиберативные подходы.

Согласно контрфактуальному подходу, преференция оправданна, если с ней согласились в ходе условной дискуссии, которая длилась бы до тех пор, пока это возможно [13, 60]. То есть оправданность в данном случае независима от актуальной делиберации: X верен прямо сейчас, если с X условно можно согласиться. Таким образом, мы можем предугадать возможный результат или проголосовать, голосование и будет этим индикатором оправданности.

Однако Хабермас утверждает, что оправданность не возникает в результате соглашения при гипотетических условиях, а является результатом *актуального* дискурса при соответствующих условиях. Только реальный, актуальный дискурс

может сделать норму оправданной. Если это действительно так, то оправданность не может быть достигнута просто путем угадывания результата обсуждения; только если мы действительно выполнили все требования, осуществили дискуссию, которая привела к рациональному консенсусу, мы можем считать, что наши нормы оправданы [6, 262].

Эта идея понижает статус голосования так же, как указание на правильный исход дискуссии – если нет определенного окончательного ответа, то нет и никакого проверяемого индикатора этого ответа. Голосование, скорее, сокращает дискуссию и поиски оправданности.

Дискурс стимулирует соглашение в политических суждениях. Как охарактеризовал эту концепцию известный норвежский исследователь в области социальных наук Йон Элстер, теоретики делиберации представляют демократию как «форум», на котором «преференции» (или суждения) трансформируются через публичное обсуждение: споря друг с другом и отвечая на аргументы другого, мы освобождаемся от предвзятых или необоснованных суждений и приходим к суждениям, которые могут стать основой публичного согласия [8]. Однако проблема данной теории состоит в том, что приверженность к искреннему обсуждению часто не позволяет нам достичь надежного согласия.

Искренние участники делиберации часто приходят к неразрешимым разногласиям, о них нельзя договориться или пренебречь ими. Вообще, метафору «переговоров» можно использовать, когда на карту поставлены интересы или простые преференции, но не в дискуссиях, целью которых является истина. Применяя принцип публичной оправданности, человек обычно руководствуется собственными представлениями об истине и о разумности. Попытки субъекта искренне высказать то, что он считает хорошим аргументом, который не будет опровергнут разумным доводом, основываются на его собственном представлении о разумности.

Таким образом, мы всегда будем придерживаться различных мнений о том, что является публично оправданным. Искренние участники обсуждения, предлагающие основания для публичного оправдания, всегда будут несогласны друг с другом. Они будут придерживаться отличающихся друг от друга суждений о рациональности, об искренности и о многом другом. Следовательно, политический порядок, основывающийся на идеях рациональности и публичного оправдания, будет вечным спором о том, что оправданно, и не может быть никакой надежды на возможность достижения хоть чего-то, отдаленно напоминающего актуальное согласие.

Попытки представить наилучшее оправдание могут заставить участника дискуссии выдвигать все новые аргументы и блокировать консенсус. Часто консенсус может быть достигнут, если участники обсуждения договариваются насчет

цены уступок и пытаются всем угодить. Но философам хорошо известно, что это часто приводит к обесцениванию дискуссии и подмене проблемы. Философы преуспели в том, что называется «вдаваться в тонкости» – в заострении различий и в раскладывании по категориям. Это, как известно, наилучший способ поиска истины (или того, что наиболее обосновано), но это не лучший способ достижения согласия.

Делиберативной концепции противопоставляется концепция агрегативной демократии, согласно которой личные мнения и предпочтения понимаются как данность, а целью демократического процесса принятия решений является объединение индивидуальных предпочтений в социальное решение через голосование. В рамках этой модели демократия понимается как механическая агрегация голосов или частных предпочтений (*inputs*) в социальные решения или коллективные предпочтения (*outputs*).

Делиберативную демократию Элстер определяет как политику, направленную на трансформацию предпочтений с помощью рациональной дискуссии, а агрегирующую демократию – как политику, направленную на суммирование имеющихся предпочтений. Агрегативная концепция делает центральным то, что в делиберативной концепции выталкивается на периферию: представления людей о справедливости и общем благе кардинально различны, и для определения социальной или «общей воли» (Руссо) необходимо прибегнуть к голосованию.

Согласно данной концепции, публичный разум может возникнуть из набора разрозненных и конфликтующих индивидуальных суждений. Исследуются две версии этого тезиса: во-первых, сам по себе акт голосования объединяет частные суждения в одно общее публичное суждение, и, во-вторых, акт голосования является свидетельством общественной воли, которая формируется посредством объединения частной воли.

В основе наших обыденных представлений о демократии лежит именно концепция агрегативной демократии. Многие из нас рассуждают о выборах как о способе выяснения того, что думают и хотят люди. Согласно Томасу Джефферсону, объединяя людей, самоуправление требует собрать их волю, выраженную большинством, воедино; большинство, и обычно не через голосование, выражает сумму воли людей [4, 15].

Сторонники делиберативной демократии многое заимствуют из идеи общественного договора Жан-Жака Руссо, но в его концепции голосованию отводится гораздо более важная роль, нежели в упомянутой теории. Руссо понимал голосование как способ определения голоса людей. В контексте постоянного конфликта воли и суждений (а это основное допущение современной либеральной мысли), концепция агрегативной демократии может быть весьма полезна: голосование несогласных граждан помогает установить волю людей. В этом смысле результат

голосования может рассматриваться как изъявление общественного разума или общественной воли.

«Голос народа»

Прежде чем исследовать различные версии агрегативной демократии, и как, по их мнению, голосование может трансформировать различные личные намерения в согласованную общественную волю, полезным будет сосредоточиться на более узкой идее, так называемом «голосе народного суждения»:

Посредством голосования по определенной проблеме в условиях, во-первых, всеобщего права голоса, и, во-вторых, равенства голосов, можно выработать решения, которые могут быть интерпретированы как изъявление общественной воли по этой проблеме.

В своем трактате «Об общественном договоре» Руссо, как известно, описывает ситуацию, когда голосование не может считаться выражением общей воли: «...когда в ущерб основной ассоциации образуются сговоры, частичные ассоциации, то воля каждой из этих ассоциаций становится общою по отношению к ее членам и частною по отношению к Государству; тогда можно сказать, что голосующих не столько же, сколько людей, но лишь столько, сколько ассоциаций. Различия становятся менее многочисленными и дают менее общий результат. Наконец, когда одна из этих ассоциаций настолько велика, что берет верх над всеми остальными, в результате получится уже не сумма незначительных расхождений, но одно-единственное расхождение. Тогда нет уже больше общей воли, и мнение, которое берет верх, есть уже не что иное, как мнение частное» [3].

Как известно, существует множество теорий демократии, некоторые зависят от исполнения многих условий, от понимания природы человека, от понимания убеждения и т.д., и они не так интересны. С другой стороны, теории, не ограничивающие себя строгими условиями, намного интереснее, поскольку они дают надежду, что мы можем интерпретировать итоги голосования как выражение воли граждан.

У Руссо интересно, прежде всего, следующее высказывание: «Если брать этот термин в точном его значении», – пишет он, – «то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет... Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами. И легко видеть, что он не мог бы учредить для этого какие-либо комиссии, чтобы не изменилась и форма управления... Впрочем, каких только трудносоединимых вещей не предполагает эта форма Правления!» [3].

Теории воли народа

Руссо утверждал, что общественный договор может быть сведен к простой формуле: «Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех

вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» [3]. Руссо называл общую волю волей «общественного организма» или просто «волей народа» [3]. Кроме того, Руссо настаивал, что если обсуждение проблемы будет проведено с соблюдением определенных условий, то его итогом будет выражение общей воли [3]. Именно эта особенность учения Руссо позволила американскому политологу Уильяму Райкеру назвать его «популистом»:

«Основная концепция восходит, по крайней мере, к учению Руссо. Существует общественный договор, который создает «моральный общественный организм», «живой» и обладающий «волей», т.е. известную всем «общую волю», волю объединенных людей, Суверена.... Способ нахождения общей воли...– вычислить ее при помощи консультаций с гражданами» [15, 11].

Учитывая реплику Райкера, давайте охарактеризуем теорию воли избирателей следующим образом:

Посредством голосования по определенной проблеме в условиях, во-первых, всеобщего права голоса, и, во-вторых, равенства голосов, процедура принятия решений выражает волю людей по определенной проблеме посредством объединения частной воли каждого гражданина в общую волю.

Общая картина, таким образом, следующая: 1) существует группа людей; 2) каждый член группы обладает собственной волей; 3) эта группа обладает народной или общей волей; 4) при определенных условиях, система голосования вычисляет волю народа, посредством консультаций с частной волей граждан; 5) таким образом, итогом голосования будет изъявление воли народа – голоса народа.

Райкер выдвинул два основных требования к приемлемой теории воли народа:

1. Уникальность (однозначность). Назовем первое требование однозначностью и сформулируем его следующим образом:

Пусть $\{p_1 \dots p_n\}$ будет набором систем предпочтений для индивидуумов от 1 до n . Пусть p будет системой социальных предпочтений.

Принцип уникальности можно сформулировать следующим образом: для любой заданной системы индивидуальных предпочтений, не может быть больше одного социального предпочтения P .

Как известно, Райкер доказывает, что требование уникальности никогда не может быть исполнено. Приведем для наглядности следующий пример: Пусть X , Y и Z обозначают кандидатов, участвующих в выборах. Если мы будем применять плюральную избирательную систему или систему простого большинства, (при которой избранным считается кандидат, набравший относительное большинство голосов от общего числа проголосовавших избирателей), то при голосовании по системе относительного большинства победителем будет кандидат X , при голосо-

нии по системе абсолютного большинства – кандидат Y , а если мы будем голосовать по методу Кондорсе, то победит кандидат Z .

Предположим, что в голосовании участвуют 60 человек и все те же три кандидата X , Y и Z . Голосование по системе относительного большинства даст такие результаты: за X – 23 голосующих, за Y – 19 голосующих, за Z – 18. Таким образом, в этом случае победит кандидат X .

Если голосование проводится по системе абсолютного большинства, кандидаты X и Y выйдут во второй тур, где кандидат X получит 25 голосов, а кандидат Y – 35 голосов – и победит.

Голосование можно проводить по принципу Кондорсе. Согласно этому правилу, для определения истинной воли народа необходимо, чтобы каждый выборщик определил место каждого кандидата в порядке предпочтения. После этого для каждой пары кандидатов определяется, сколько выборщиков предпочитает одного кандидата другому, далее составляется полная матрица попарных предпочтений голосующих. На базе этой матрицы, используя транзитивность отношения предпочтения, можно построить коллективную ранжировку кандидатов.

По Кондорсе, воля большинства выражается в виде трех суждений: $Z > Y$; $Y > X$; $Z > X$, которые можно объединить в отношении предпочтения $Z > Y > X$. Если необходимо выбрать одного из кандидатов, то, согласно принципу Кондорсе, следует предпочесть кандидата Z .

Выходит, что победитель определяется правилами игры, и эти победители будут разными при различных системах голосования. Согласно второй, широко используемой в мире процедуре, победить может кандидат, который проигрывает отсеянному в первом туре кандидату в отношении вплоть до 1 к 1,99... Парадоксальность такой ситуации на реальных выборах иногда путают собственно с парадоксом Кондорсе⁴.

Зная об этом, Райкер заключает: одинаково разумные методы голосования могут привести к совершенно разным результатам. Одно и то же собрание индивидуальной воли, следовательно, может образовывать не одну противоречивую общую волю, в зависимости от используемой системы агрегации, ни одну из них нельзя назвать наилучшей.

⁴ Принцип Кондорсе устраняет ошибки, связанные с неполным учётом предпочтений избирателей в первом туре, но может приводить к неразрешимому противоречию. Парадокс Кондорсе (был описан философом в 1785 г.) заключается в том, что при наличии более двух альтернатив и более двух избирателей коллективная ранжировка альтернатив может быть циклической, даже если ранжировки всех избирателей не являются циклическими. Таким образом, волеизъявления разных групп избирателей, каждая из которых представляет большинство, могут вступать в парадоксальное противоречие друг с другом.

Американские исследователи права Джулс Коулман и Джон Фэаджон утверждают, что популист может отвергнуть критерий уникальности. По их мнению, популисты могут быть преданы концепции общей воли, но им не нужен принцип уникальности [7, 15]. С точки зрения популиста, отклонение сложных иерархий социальных предпочтений от индивидуальных предпочтений, является просто доказательством того, что существует больше одной приемлемой альтернативы. Таким образом, они предлагают дизъюнктивную интерпретацию сложных иерархий социальных предпочтений. С точки зрения популистов, если набор индивидуальных волей $\{p_1 \dots p_n\}$ будет образовывать две различные общие воли, P_1 и P_2 , это показывает, что есть две общие воли P_1 или P_2 .

Вопрос в том, почему мы должны считать, что общая воля будет либо P_1 , либо P_2 ; как мы можем быть в этом уверены, учитывая данный набор волей $\{p_1 \dots p_n\}$? Один из способов разрешения этой проблемы, ввести правило метарешения, которое будет устанавливать правильную альтернативу, если P_1 и P_2 вступают в противоречие. Но тогда получится, что Коулман и Джон Фэаджон сами приходят к принципу уникальности, который пытались опровергнуть!

Однако предположим, что нет никакого метаправила, которое бы разрешало противоречия волей. Райкер говорит, что в таком случае проблема столкновения волей P_1 и P_2 , указывает на то, что у людей есть две различные воли, которые не связаны друг с другом, и нет никакой мета-воли – т.е. воли волей. Есть просто две независимые, конкурирующие коллективные воли. А это значит, что есть какая-то непонятная, несогласованная – или как аккуратно говорит Райкер – смутная воля.

Все теории общей воли, утверждают, что воля народа не менее, а скорее более отчетлива, нежели индивидуальные воли из которых она состоит. Но если воля народа представляет собой две различные, противоречащие друг другу воли, то воля народа становится похожей на волю шизофреника и не может служить основанием демократии⁵. Если в рамках одной личности мы сталкиваемся с несколькими независимыми и противоречивыми волями, то мы не можем исполнить желание этой личности, не отрицая одновременно ее другие желания. Если мы удовлетворяем требования P_1 , то мы одновременно отказываем в удовлетворении требований P_2 , и наоборот. Если мы хотим исполнить требования человека, то нам лучше придерживаться принципа уникальности (однозначности).

2. Второе требование Райкера – разумность, понимаемая как честность и логичность. Анализируя способы голосования, можно заключить, что не все из них являются одинаково эффективными методами агрегации предпочтений, и существ-

⁵ Согласно наблюдениям современных психиатров, разговор с шизофреником напоминает разговор с несколькими ментальными процессами, а не с одной личностью, как будто шизоидная личность разделена на несколько тел, и не может их соединить в одно [14, 68].

вует какой-то единственный наилучший способ, определяющий истинную волю народа.

Ссылаясь на известную теорему Кеннета Эрроу о невозможности принятия обществом «коллективного» решения о своих приоритетах, исходя из учета индивидуальных предпочтений, Райкер утверждает, что «ни один из способов голосования не может одновременно удовлетворять нескольким элементарным условиям честности и предоставлять результаты, которые бы соответствовали требованиям логичности» [15, 115]; следовательно, каждый из способов является ущербным и ни один не может быть назван единственно верным.

Для того чтобы оценить позицию Райкера, предположим, что каждый индивидуум может ранжировать каждую политическую альтернативу, и эти предпочтения будут транзитивными. Следовательно, согласно транзитивности, если Иван отдает предпочтение партии «Единая Россия» по отношению к партии «КПРФ» и отдает предпочтение «КПРФ» по отношению к партии «Гражданская платформа», то соответственно он отдает предпочтение партии «Единая Россия» по отношению к партии «Гражданская платформа».

Условия справедливого метода голосования по Эрроу⁶:

Транзитивность – это требование формирования рациональной последовательности. Если вы предпочитаете первый выбор второму и второй выбор третьему, согласно простому требованию транзитивности, вы должны предпочесть первый выбор третьему. Следовательно, транзитивность является минимальным требованием формирования рациональной последовательности предпочтений.

Как доказывает теорема Эрроу, в рамках ординалистского подхода не существует метода объединения индивидуальных предпочтений для трёх и более альтернатив, который удовлетворял бы некоторым вполне справедливым условиям, гарантировал генерирование рациональной, транзитивной социальной воли, всегда давал бы логически непротиворечивый результат. Таким образом, не существует системы голосования, которая отвечала бы одновременно всем шести следующим условиям:

Универсальность – для любого профиля голосования существует результат – воля народа (или, в терминах теории Эрроу, упорядоченный список из n альтернатив);

Монотонность – если во всех N -списках некоторая альтернатива x останется на месте или поднимется выше по списку, а ранжирование остальных не изменится, в общем списке x должен остаться на месте или подняться, т.е. если индивид

⁶ Начальный вариант условий был изложен в первом издании работы Эрроу «Social Choice and Individual Values» [5]. Во втором издании 1963 г. критерии монотонности и отсутствия ограничений были заменены на критерий эффективности по Парето.

изменяет свои предпочтения с $\{Y - \text{лучше, чем } X\}$ на $\{X - \text{лучше, чем } Y\}$, он не может самостоятельно сделать X социально менее предпочтительным, нежели Y .

Отсутствие ограничений – воля народа всегда вырабатывается индивидуальными волями.

Эффективность по Парето, или принцип единогласия – если альтернатива X у каждого избирателя в списке стоит выше Y , то та же позиция должна сохраняться и в окончательном результате.

Независимость от посторонних альтернатив – если профиль голосования изменится так, что альтернативы X и Y во всех N -списках останутся в том же порядке, то в окончательном результате их ранжирование также не изменится.

Отсутствие диктатора – нет такого избирателя, предпочтения которого определяли бы результат выборов независимо от предпочтений других избирателей.

Мы можем понимать все эти условия, взятые вместе, как предписывающие минимальные условия для рациональной процедуры агрегации воли. Эта процедура должна, во-первых, не образовывать интранзитивной воли народа. Невозможность осознания отношений транзитивности – другая черта шизоидной личности [4, 211], и если воля народа – это воля шизофреника, то ее нельзя воспринимать серьезно.

Но в придачу ко всему, рациональный метод исчисления воли народа из набора индивидуальной воли должен быть произвольным (важная черта условия независимости), неповелительным, он должен обращать внимание на актуальные предпочтения граждан (условие отсутствия ограничений и Парето эффективности), и голосование за кандидата или альтернативу не должно игнорировать индивидуальные предпочтения (условие монотонности). Поскольку Райкер считает, что ни один метод голосования не может удовлетворять всем этим разумным условиям, он заявляет, что нельзя наделять смыслом результаты голосования, и, таким образом, выборы не могут интерпретироваться как то, что раскрывает волю народа [15, 238].

Простая теория воли народа

Если ни одна система голосования не может гарантированно соответствовать принципу уникальности и условиям, сформулированным Эрроу [15, 111], то, согласно Райкеру, так называемая простая теория воли народа, считающая, что сама по себе избирательная система агрегирует индивидуальные воли в волю народа, не соответствует действительности. Если ни одна избирательная система не удовлетворяет этим условиям, то тогда в принципе не может быть никакой уникальной воли народа. Во многих случаях мы будем иметь дело со многими волями народа, поскольку различные способы подсчета голосов будут выдавать различные решения.

Райкер не утверждал, что во всех случаях различные избирательные системы приводят к различным результатам в одинаковых профилях голосования, он говорил только о том, что одинаково разумные системы иногда приводят к различным результатам. Поэтому сторонник простой теории воли народа может по-прежнему утверждать, что в тех случаях, когда все правила соблюдаются и когда мы приходим к одному и тому же результату, появляется уникальная воля народа. Например, мы можем взять различные профили индивидуальных предпочтений и просчитать результаты, используя различные системы подсчета, и в тех случаях, когда все системы приводят к одному результату (и только тогда), мы получим волю народа. Таким образом, голосование иногда приводит к выявлению воли народа. Однако есть два возражения на это утверждение:

Во-первых, особенно сложно соответствовать принципу уникальности, когда разговор идет о всей избирательной системе целиком: очевидно, что законы о выборах имеют значительное влияние на результаты голосования [12].

Во-вторых, при голосовании применяют стратегическое поведение: люди «искажают» свои предпочтения, голосуя «против» своих истинных альтернатив. Голосуя, скажем, за третью альтернативу против второй, в надежде, что победит первая. Для примера давайте рассмотрим еще одну систему голосования, известную как подсчет Борда, или рейтинговое голосование. Подсчет Борда часто используют при избрании кандидатов на должность в современных университетах.

Согласно этому методу, результаты голосования выражаются в виде числа баллов, набранных каждым из кандидатов. Так, при выборах из n кандидатов каждый голосующий ранжирует всех кандидатов строго по убыванию предпочтения, за первое место по предпочтению кандидату присуждается n баллов, за второе – $n-1$ баллов и т. д., все набранные баллы кандидатами суммируются. Соответственно, победителем выборов считается кандидат, набравший наивысший суммарный балл.

Предположим, что у нас есть 10 голосующих и три кандидата, наивысшее число баллов будет 30 (по три балла от каждого голосующего), а самым низким баллом будет 10 (третье место от каждого выборщика). У нас есть три кандидата (1) Иван, (2) Анна и (3) Мария (они расположены в порядке убывания моего предпочтения). Однако у меня есть опасения, что Анна может обогнать Ивана; поэтому я буду голосовать так, чтобы максимизировать шансы Ивана: (1) Иван, (2) Мария и (3) Анна – такой расклад не соответствует моим реальным предпочтениям. Поскольку такое «стратегическое» голосование – частое явление и ни одна система с тремя кандидатами не может ему противостоять, мы никогда не будем уверены в том, что профиль голосования будет соответствовать профилю реальных предпочтений выборщиков.

Более того, те, кто разбираются в тонкостях принятия решений, могут манипулировать процессом (и делают это), чтобы достичь своих целей. Они неверно указывают свои предпочтения для того, чтобы намеренно выдать интранзитивные результаты (этот пример детально рассматривается в работе Райкера «Либерализм против популизма» [15], и в его работе «Искусство политической манипуляции» [16]). Следовательно, даже используя все возможные системы голосования, мы получим одинаковые результаты, мы все же не можем быть уверены, что имеем дело с истинной волей народа, основанной на реальных предпочтениях людей. Поэтому сложно утверждать, что результаты актуального голосования являются волей народа.

Усложненная теория воли народа

Однако Джулис Коулман и Джон Фэаджон дают еще один ответ на критику, отстаиваемой ими теории воли народа. Согласно более сложному определению Руссо, голосование может свидетельствовать о том, что составляет общую волю, но само по себе этой волей не являться (как в простой теории воли народа). Для того чтобы лучше понять эту идею, нужно различать две разные функции:

Пусть $f(p)$ будет функцией, которая берет индивидуальные воли – иерархии предпочтений $\{p_1 \dots p_n\}$ – и объединяет их в общую волю или социальное предпочтение R .

Пусть $f(g)$ будет функцией, которая берет индивидуальные голоса $\{g_1 \dots g_n\}$, и трансформирует их в социальное решение, R .

Используя это различие, мы можем теперь лучше понять более сложную форму популизма, согласно которой голосование – это просто свидетельство воли народа, т.е. голоса рассматриваются в этой версии теории как свидетельство предпочтений выборщиков, а итоговый результат рассматривается как свидетельство истинной воли народа.

По-видимому, Руссо придерживался именно этой усложненной версии. Он никогда не утверждал, что народное голосование образует общую волю, а, напротив, говорил, что это разумный надежный способ определения воли народа. Райкер, таким образом, в своем исследовании демонстрирует, что функция голосования $f(g)$ – это несовершенный механизм, подверженный различным искажениям. Однако согласно усложненной версии теории воли народа, эта мысль не подрывает идеи Руссо, поскольку голосование понимается просто как несовершенная процедура определения общей воли. То, что различные системы голосования показывают различные результаты на одном профиле предпочтений, не говорит о том, что общая воля является чем-то смутным и неопределенным, а только о том, что интерпретация выборов часто ошибочна.

Однако при более внимательном рассмотрении становится понятным, что такой ответ не нейтрализует критику Райкера: его критика простой теории воли

народа может быть также разрушительна и для более сложных версий этой теории, согласно которым голосование – это простое свидетельство, а не сама народная воля. И хотя Райкер сосредоточивается в основном на процессе голосования, его позиция такова (или должна быть такой) – сама идея воли народа нелогична, поскольку, как доказал сам Райкер и Эрроу, не существует однозначной и разумной $f(p)$ – нет такой функции, которая позволила бы нам агрегировать различные индивидуальные воли в однозначную общую волю.

Если целью голосования является выработка представления о воле народа, но однозначной понятной воли не существует, тогда теория воли народа опять оказывается несостоятельной. Поскольку если нет однозначной воли народа, то и представление о ней совершенно не нужно. Райкер, очевидно, был прав, когда говорил, что «искать то, что мы, как нам известно a priori, не можем получить, все равно, что пытаться вывести квадратуру круга» [15, 3].

Итак, одной делиберации недостаточно для получения рациональных политических решений. Делиберация необходима, поскольку уменьшает «процедурные дефициты» [2, 27] и способствует формированию стабильного большинства путем снижения радикальности и эмоционализации предпочтений. Но тем не менее, она имеет свои недостатки, и сама по себе недостаточна для осуществления адекватной демократической процедуры. Делиберация может продолжаться бесконечно и должна прерываться голосованием, которое ставится в центр либеральными концепциями агрегативной демократии.

Одним из основных недостатков теорий «воли народа» и делиберативной демократии является допущение рациональности актора. Несмотря на то, что когнитивными психологами давно доказано рациональное невежество [1, 45] и плохая информированность избирателя, либеральными политическими теориями это обычно не принимается в расчет. Они предпочитают иметь дело с абстрактным идеальным субъектом. Поэтому демократия нас часто разочаровывает.

Однако демократию можно оправдать при помощи *минимального эпистемологического требования* – нет ни одного метода разрешения споров, который может быть признан, не подвергаясь разумной критике, эпистемологически лучшим в сравнении с демократией.

Библиографический список

1. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. Почему демократии выбирают плохую политику. М.: ИРИСЭН. 367 с.

2. *Каширских О. Н.* Политические предпочтения в контексте теории делиберативной демократии. Вестник Пермского университета. Серия Политология. № 1. 2012. С. 20–34.
3. *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. URL: <http://http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt> (дата обращения: 10.01.2014).
4. *Argyle M.* The Psychology of Interpersonal Behavior. The 3rd ed. Harmondsworth: Penguin, 1978. P. 211.
5. *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values. New York: Wiley, 1963. 2nd ed. P. 124.
6. *Christiano T.* The Significance of Public Deliberation / Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. PP. 243–277.
7. *Coleman J., Ferejohn J.* Democracy and Social Choice // Ethics. 1986. October. Vol. 97. PP. 6–25.
8. *Elster J.* The Market and the Forum // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. PP. 3–33.
9. *Habermas J.* Between Facts and Norms. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
10. *Habermas J.* Popular Sovereignty as Procedure // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. PP. 33–46.
11. *Padover S.K.* Thomas Jefferson on Democracy. Wildside Press, 2013.
12. *Lijphart A.* The Political Consequences of Electoral Laws, 1945–85 // American Political Science Review. 1990. June. Vol. 85 PP. 481–496.
13. *Misak Ch.* Truth, Politics, Morality: Pragmatism and Deliberation. London: Routledge, 2000.
14. *Storr A.* The Integrity of the Personality. Harmondsworth: Penguin, 1964.
15. *Riker W.* Liberalism Against Populism. Prospect Heights: Waveland Press, 1988.
16. *Riker W.* The Art of Political Manipulation. New Haven, CT: Yale University Press, 1986.

POLITICAL DEMOCRACY: PUBLIC RATIONALITY THROUGH AGGREGATION OF PREFERENCES

O.L. Granovskaya

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy,
Far Eastern Federal University

The article is aimed at exploring the procedures of forming public rationality that are accepted in the modern concept of aggregative democracy. The basic method is comparative analysis of different procedures of preferences aggregation and political decision-making. Aggregative democracy is studied in the context of deliberative

democracy. The conclusion is drawn that these ways of decision-making, when applied separately, are deficit procedures. However, their disadvantages can be partially compensated by applying both deliberation and voting.

Keywords: aggregative democracy; political preferences; popular will theory; political deliberation; political participation; decision-making procedures.

References:

1. *Caplan B.* The Myth of the Rational Voter. Why Democracies Choose Bad Policies M.: IRISEN. 367p. (In Rus.).
2. *Kashirskikh O.N.* Political Preferences in the Context of the Deliberative Democracy Theory// Perm University Herald. Political Sciences. 2012. № 1. P. 20-34. (In Rus.).
3. *Rousseau J.J.* The Social Contract. Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt> (accessed: 10.01.2014). (In Rus.).
4. *Argyle M.* The Psychology of Interpersonal Behaviour, 3rd ed. Harmondsworth: Penguin, 1978. 211 p. (In English).
5. *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values, 2nd ed. N.Y.: Wiley, [1951] 1963. 124 p. (In English).
6. *Christiano T.* The Significance of Public Deliberation // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. P. 243–277. (In English).
7. *Coleman J., Ferejohn J.,* Democracy and Social Choice // Ethics. Vol. 97 (October 1986): 6–25. (In English).
8. *Elster J.* The Market and the Forum // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. P. 3–33. (In English).
9. *Habermas J.* Between Facts and Norms. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. (In English).
10. *Habermas J.* Popular Sovereignty as Procedure // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. P. 33-46. (In English).
11. *Jefferson Th.* Thomas Jefferson on Democracy, Saul K. Padover (ed.) Wildside Press, 2013. (In English).
12. *Lijphart A.* The Political Consequences of Electoral Laws, 1945–85 // American Political Science Review. Vol. 85 (June 1990). P. 481–496. (In English).
13. *Misak Ch.* Truth, Politics, Morality: Pragmatism and Deliberation. London: Routledge, 2000. (In English).
14. *Storr A.* The Integrity of the Personality. Harmondsworth: Penguin, 1964. (In English).
15. *Riker W.* Liberalism Against Populism. Prospect Heights: Waveland Press, 1988. (In English).
16. *Riker W.* The Art of Political Manipulation. New Haven, CT: Yale University Press, 1986. (In English).